КИТАЙСКАЯ ДИАСПОРА В ЯПОНИИ И ПРОБЛЕМА АССИМИЛЯЦИИ

В. Р. Боровой

кандидат исторических наук,

доцент кафедры языкознания и страноведения Востока

факультета международных отношений

Белорусского государственного университета;

А. В. Панькова

старший преподаватель кафедры языкознания и страноведения Востока,

факультета международных отношений

Белорусского государственного университета

УДК 94(520)(=811.581)

Политика открытости внешнему миру, прежде всего в области экономики и технологического развития, проводимая руководством Китайской Народной Республики (КНР) с начала 1980-х гг., привела ко многим важным последствиям на уровне мировой экономики в целом и с точки зрения отдельных стран и регионов. Одним из таких последствий стала новая волна китайской миграции за пределы КНР.

По некоторым данным, общее количество китайских мигрантов, проживающих в различных странах мира, к середине первого десятилетия XXI в. превысило 35 млн человек (в 1953 г. – менее 12 млн) [1, с. 43], тогда как материальные и финансовые активы, находящиеся в их распоряжении, оцениваются (по данным на 2013 г.) примерно в 5 трлн долл. [2, с. 50].

Работа с китайскими диаспорами за рубежом является важным компонентом внешней политики КНР: на уровне только центрального правительства существует не менее пяти организаций, занимающихся проблемами взаимодействия с хуацяо (китайцы, проживающие за рубежом постоянно и сохранившие гражданство КНР) и реэмигрантами, проживающими в КНР (число последних достигает 30 млн человек), при этом деятельность этих организаций направляется и координируется отделом единого фронта Центрального комитета Коммунистической партии Китая (ЦК КПК) [1, с. 43, 50].

Контакты с хуацяо используются для мобилизации общественного мнения внутри и вовне Китая в поддержку позиции КНР по самым острым и актуальным вопросам международных отношений, в

том числе, по проблеме статуса акватории Южно-Китайского моря [3] и т. д.

В этих условиях тема данной статьи весьма актуальна как в научном, так и в практическом плане, поскольку для многих государств, в том числе для Республики Беларусь, Российской Федерации и Республики Казахстан, стало насущной необходимостью выработать определенную политику по отношению к китайским общинам, проживающим на их территории. Цель статьи – рассмотрение особенностей ассимиляции китайских мигрантов принимающими социумами и связанных с этим проблем, для чего используются материалы по истории и современному состоянию китайских общин в Японии. По мнению авторов статьи, именно в Японии достаточно наглядно проявляется взаимосвязь между социально-экономическими особенностями китайской миграции и проблемой «ассимилируемости» китайских общин в иные общества.

Следует отметить, что данная проблема практически не рассматривается в отечественной литературе, однако на протяжении длительного времени привлекает внимание как китаеведов, так и социологов за рубежом. В целом, по мнению ряда англоязычных специалистов, китайские сообщества за пределами Китая плохо поддаются культурной и бытовой ассимиляции [4, р. 51, 61]. По этой причине, начиная с 1970-х гг., для описания особенностей китайской миграции за рубеж все более активно используется термин «диаспора», предполагающий сознательный отказ членов данной общины от ассимиляции в новом обществе и сохранение китайской культурной идентичности в ожидании того момента, когда они смогут вернуться на родину [5].

В этом же значении по отношению к китайским мигрантам за рубежом с 1950-х гг. использовался термин «sojourner», означающий лицо, временно проживающее в определенном месте [6]. Исследования П. Сю и С. Лимана вызвали большой резонанс в американской социологии, поскольку они прямо ставили под сомнение способность американского общества (American «melting pot») «переварить» китайские общины. С тех пор было признано, что, например в некоторых странах Юго-Восточной Азии, китайские общины к настоящему времени почти полностью ассимилированы (например, в Тайланде и Камбодже) [4, р. 60], а в таких местах, как, например Ява, Малайский полуостров и Филиппины, китайские общины подверглись «креоли-

зации» и достаточно четко в культурном плане отличаются как от местных жителей, так и от китайцев [7].

Некоторые авторы также отрицают применимость термина «sojourner» к китайским мигрантам, прибывшим в США после 1965 г., считая, что для них постепенная ассимиляция служит приоритетом [8]. Официальные китайские источники также подчеркивают неоднородный состав китайских общин за пределами КНР, указывая, в частности на то, что хуацяо составляют лишь 7,7 % от общей численности диаспоры, тогда как хуажэнь (т. е. мигранты, принявшие местное гражданство и по закону о гражданстве КНР 1980 г. автоматически отказавшиеся от гражданства КНР) составляют 92,3 % [9]. Таким образом, предполагается, что абсолютное большинство китайских мигрантов, проживающих в настоящий момент постоянно за рубежом, не планируют возвращаться в КНР.

Тем не менее, мотив временного пребывания в чужой стране все еще представляет достаточно ярко выраженную черту китайской миграции, особенно если учитывать трудовую и нелегальную миграцию. На этой почве в принимающих социумах зачастую возникают опасения относительно негативных последствий существования таких «инородных тел», начиная от боязни роста социальной напряженности, мотивированного фактором ксенофобии, и заканчивая обвинениями в вовлеченности китайской диаспоры в организованную криминальную деятельность (прежде всего в области обеспечения каналов нелегальной миграции) и даже в возможности организации подрывной деятельности в случае военных конфликтов или природных катастроф.

В этом отношении китайская диаспора в Японии представляет особый интерес. С одной стороны, китайцы по менталитету и культурным особенностям стоят ближе к японцам, чем к жителям стран Европы, Северной Америки или даже Юго-Восточной Азии, поскольку и те и другие относятся к «конфуцианскому цивилизационному ареалу» и исторически имеют одинаковые культурные истоки. В связи с этим можно предположить, что ассимиляция китайской общины в родственной культурной среде могла бы протекать более успешно, нежели в других местах. С другой стороны, начиная с того момента, когда Опиумные войны в середине XIX в. фактически разрушили существовавший на протяжении длительного времени в Восточной Азии региональный порядок, лидером и центральным звеном

которого был императорский Китай, и до настоящего времени между Китаем и Японией идет борьба за региональное лидерство, которая дважды за последние 130 лет перерастала в масштабные военные действия.

Этот факт в сочетании с ярко выраженными национальными сентиментами японцев и растущим национализмом китайского общества служит препятствием на пути интеграции китайцев в японское общество на индивидуальном уровне, что усиливает закрытость китайской диаспоры в Японии и препятствует ее размыванию.

В истории китайской миграции в Японию в период после открытия Китая внешнему миру в результате Опиумных войн можно выделить несколько этапов.

Первый этап приходится на вторую половину XIX в. – 30-е гг. XX в. На этом этапе в структуре китайской миграции за относительно короткий срок произошли значительные изменения: миграция торговцев сменилась студенческой, на смену которой пришла миграция рабочих.

Первыми китайцами, приезжавшими в Японию после открытия страны и снятия запретов на въезд и выезд, были торговцы, компрადоры, ремесленники и обслуга представителей западных держав. В этот период в крупных японских портовых городах, таких как Нагасаки, Йокогама, Кобэ и др., стали формироваться так называемые *китайские кварталы*. Первым китайским кварталом в Японии можно назвать квартал в городе Нагасаки, построенный правительством сёгуната Токугава в конце XVII в. Однако численность китайцев, проживавших на отведенной им территории, была невелика, и только во второй половине XIX в. китайский квартал в Нагасаки разросся благодаря притоку эмигрантов.

Открытие в 1859 г. для международной торговли порта Йокогама способствовало появлению нового китайского квартала, который быстро заселили китайские торговцы. Район начал быстро развиваться и со временем стал крупнейшим китайским кварталом в Японии.

Порт Кобэ был открыт в 1868 г. Предполагалось, что здесь будут проживать иностранцы, официально прибывающие в Японию. Однако из-за отсутствия между Цинской династией и правительством Японии договора о торговле китайцам не разрешили селиться в самом городе. Они расположились на западной окраине Кобэ, которая стала называться «Нанкин-тё», или город «людей из Нанкина» (так

называли китайских переселенцев). В конце XIX в. квартал Нанкин-тё стал центром притяжения для многих китайских иммигрантов.

Поначалу китайские общины обладали значительными привилегиями. Им разрешали создавать на своей территории собственные банки, организации взаимопомощи и даже местные органы самоуправления, официально признаваемые японскими властями. Кроме того, до 1899 г. китайские подданные пользовались в Японии правом экстерриториальности. Однако знакомство Японии с иностранными державами и успехи в модернизации стали вызывать у японцев чувство превосходства по отношению к китайцам. Японо-китайская война 1894–1895 гг. изменила геополитическую ситуацию в регионе в пользу Японии. До этого начали существенно меняться региональная система разделения труда и структура торгово-экономических отношений, где также на первый план вышла Япония. Китайские торговцы утратили лидирующие позиции, и китайская община в Японии стала терять свое влияние [10, с. 195].

На рубеже XIX–XX вв. на смену торговой миграции пришла студенческая. Отправка китайских студентов на учебу в Японию была выгодна обоим государствам и определялась внешне- и внутривнутриполитическими соображениями правящих кругов. Китайское руководство, осознав слабость Китая перед техническими достижениями западных держав, пришло к выводу, что реформирование системы образования – ключевой фактор модернизации страны. Японская правящая элита рассматривала студентов из Китая прежде всего как средство распространения влияния Японии и лояльности к ней, что позволило бы продвигать ее политические и экономические интересы. Период студенческой миграции совпал с ростом националистических настроений в Японии и внутренней политической нестабильностью в Китае. «Япония из места учебы превратилась в площадку политической борьбы против цинской монархии и развития диссидентских настроений» [10, с. 197]. Крайняя политизация китайских студентов привела к тому, что после Синьхайской революции они массово вернулись на родину.

После Первой мировой войны японская экономика оказалась перед проблемой нехватки рабочей силы. Решение было найдено путем привлечения рабочих из Китая и Кореи, которые рассматривались как дешевая рабочая сила, чей въезд легко контролировать. С 1917 г. численность китайцев в Японии стала увеличиваться за счет

рабочих. Однако контролировать приток китайских трудовых мигрантов оказалось непросто. Ограничение на легальный въезд привело лишь к увеличению нелегальных мигрантов, которые трудились на шахтах, в портах, выполняя грязную и опасную работу. Менее чем за 15 лет численность китайской общины выросла до 30–40 тыс. человек [10, с. 198].

Вторжение японских войск в Маньчжурию в 1931 г. и агрессивная внешняя политика Японии в 30–40-х гг. XX в. вызвали рост националистических настроений среди китайцев, проживавших в Японии, в результате чего более половины вернулись в Китай. Оставшиеся члены китайской общины в ответ на стремление японских властей поставить под контроль деятельность китайских общественных институтов и организаций стали объединяться в более крупные объединения, что позволило так называемой «старой» китайской общине выжить и просуществовать еще 40 лет до новой волны китайской миграции в Японию. Следует отметить, что «старая» диаспора не смогла стать комфортным «принимающим анклавом» для второй волны миграции и начала постепенно интегрироваться в японское общество. Одна из возможных причин такого разделения, видимо, заключается в том, что потоки мигрантов, подпитывавших «старую» диаспору, были связаны с ограниченным числом провинций на юге Китая (Гуандун, Фуцзянь и Тайвань), тогда как вторая волна и связанная с ней «новая» диаспора значительно более разнообразны по географическому происхождению. Более важным фактором, способствовавшим разделению на «старую» и «новую» диаспоры, скорее надо считать то, что в течение сорокалетнего перерыва в трудовой миграции «старая» диаспора утратила функции «принимающего анклава», поскольку была вынуждена экономически (а в дальнейшем – социально и культурно) переориентироваться на запросы японского общества.

Второй этап китайской миграции в Японию начался в конце 70-х гг. XX в. и длится до сих пор.

Стремительный рост японской экономики после Второй мировой войны (середина 1950-х – 1970-е гг.), получивший название «экономического чуда», за 20 лет вывел Японию на второе после США место по экономической мощи. В начале 1980-х гг. правительство премьер-министра Японии Я. Накасонэ из соображений престижа и распространения влияния Японии решило резко увеличить количество студентов из других стран. Был упрощен визовый режим и расши-

рены категории студентов. Помимо категории студентов вузов *рюгакусэй*, появились категория *сюгакусэй* – студенты кратковременных курсов (языковых школ) и категория *кэнсюсэй* – стажеры по программам обучения техническим специальностям, что сразу вызвало новую волну китайских мигрантов, которые стали прибывать в Японию по образовательным программам. Именно они заложили фундамент так называемой «новой» китайской общины. Высокий уровень жизни в Японии способствовал тому, что многие студенты не стремились возвращаться домой и, просрочив визу, оставались нелегалами в Японии, помогая перебраться сюда другим. Численность китайской общины стала стремительно увеличиваться и с 63920 человек в 1984 г. выросла в 10,5 раза, составив 677571 человек в июне 2016 г. [11].

По данным доклада о контроле за иммиграцией Иммиграционного бюро Министерства юстиции Японии, опубликованном в декабре 2015 г., количество иностранцев, кратко- или долгосрочно проживающих на территории Японии, а также имеющих статус специального постоянного резидента (колониальные иммигранты и их потомки), составило 2121831 человек по состоянию на конец 2014 г. В процентном соотношении число иностранных граждан, проживающих в Японии, по состоянию на конец 2014 г. составило 1,67 % от общей численности населения. 11 марта 2016 г., по обновленным данным Иммиграционного бюро, на территории Японии проживало 2232189 человек, из них 665847 человек составили этнические китайцы, 457772 – этнические корейцы, 229595 – филиппинцы, 173437 – бразильцы, 146956 – вьетнамцы, 54775 – непальцы, 52271 – американцы, 48723 – тайваньцы, 47721 – перуанцы, 45379 – тайцы, 309713 – другие национальности [11].

Приведенные данные свидетельствуют о том, что китайская община является в настоящий момент самой крупной этнической группой в Японии. Еще недавно в иностранной диаспоре Японии китайцы занимали второе после корейской диаспоры место. Достигнув своего пика в начале 1990-х гг. (681738 человек), численность корейской диаспоры начала сокращаться и за 20 лет уменьшилась почти на треть, в то время как численность китайцев неуклонно растет. Например, только с марта по июнь 2016 г. численность китайской общины увеличилась на 11724 человека и составила 677571 человек, в то время как численность корейской общины сократилась на 855 человек, достигнув отметки в 456917 человек [12]. По данным министерства ста-

тистики Японии, на данный момент из 677 тыс. китайцев 232310 имеют статус постоянного жителя, что фактически приравнивает их в правах с гражданами Японии. Статус супруга/супруги японского гражданина или статус гражданина Японии имеют 33223 человека, что дает им определенные привилегии по сравнению с китайцами, относящимися к другой миграционной категории [13]. Таким образом, примерно 39,2 % членов китайской общины в Японии обладает необходимым легальным статусом для проживания в Японии на постоянной основе.

Китайские мигранты есть во всех 47 префектурах Японии, однако большинство из них проживает в префектурах Токио (181670 человек), Канагава (60618 человек), Сайтама (57671 человек) и Осака (54496 человек) [13]. Большое количество мигрантов в префектурах Канагава и Осака объясняется тем, что там находятся крупнейшие китайские кварталы портовых городов Йокогама и Кобэ. В префектуре Сайтама и Токио исторически не сложилось китайских кварталов. Большинство приезжих китайцев живет разрозненно. Однако в последнее время китайские бизнес-круги все активнее выступают за создание китайского квартала в Токио в районе Икэбукуро.

Низкие цены на арендное жилье, дешевые кафе и рестораны, среди которых много ресторанов китайской кухни, магазины с китайскими продуктами, книжные магазины, условия для подработки – все это создает благоприятные условия для китайских мигрантов, которые, прибывая в Японию, стремятся поселиться в этом районе [14]. В 2014 г. заработал интернет-сайт «Tokyo China Town Online», на котором зарегистрировано более 600 компаний, включая магазины китайских товаров, туристические компании, школы японского и китайского языка. В 2015 г. состоялось собрание Комитета по развитию китайского квартала в Токио, в котором приняло участие около 200 человек, представителей бизнес-кругов [15]. Таким образом, вполне вероятно, что в ближайшем будущем китайский квартал в районе Икэбукуро будет официально признан токийской администрацией, что станет еще одним примером растущей социальной активности китайской диаспоры.

Следует отметить, что две волны китайской миграции в Японию, в результате которых, как отмечают специалисты, в Японии фактически возникли две китайские диаспоры («старая» и «новая»), коррелируются с двумя периодами подъема в региональной торговле

и интенсификации экономического взаимодействия в Восточной Азии.

Первый период начался в 1880-х гг. и продолжался до конца 20-х гг. XX в. Региональная экономика к началу 1880-х гг. перестроилась на новый лад: от китаеццентричной модели экономического взаимодействия, в рамках которой емкий китайский рынок и китайские производители задавали ориентацию торговых потоков, Восточная Азия перешла к модели, где ведущими странами в производственных цепочках стали Япония и Британская Индия, поставлявшие на мировой и региональный рынки продукцию легкой промышленности, тогда как Китай и страны Юго-Восточной Азии стали поставщиками сырья, сельскохозяйственной продукции и дешевой рабочей силы [16; 17].

В этот период в Японии сформировалась «старая» китайская диаспора. По мере того как Япония в 30-е гг. XX в. в условиях мирового экономического кризиса перешла от преимущественно экономических методов к прямому применению насилия для утверждения и поддержания своей региональной гегемонии, а после 1945 г. в условиях холодной войны, когда Китай в мировой политике как по внешним, так и по внутренним причинам фактически находился в изоляции и не участвовал в региональном разделении труда, «старая» китайская диаспора пришла в упадок. Можно предположить, что одной из основных причин этого стала фактическая ликвидация системы регионального разделения труда, сложившейся в конце XIX – начале XX в., т. к., за исключением достаточно ограниченной миграции из Гонконга и Тайваня, иссякли миграционные потоки из материкового Китая, которые подпитывали «старую» китайскую диаспору.

Возникновение «новой» китайской диаспоры в Японии также связано с тем, что политика открытости, провозглашенная Дэн Сяопином, вновь позволила Китаю стать активным участником региональных производственных сетей, которые начали формироваться в 1960–1970-х гг. и функционировали не столько в форме межгосударственной торговли, сколько посредством обмена полуфабрикатами внутри различных транснациональных корпораций с производственными филиалами в странах Восточной Азии [18; 19]. Важнейшую роль в организации таких цепочек сыграли японские корпорации [20]. В сочетании с фактором старения японского общества и растущей потребностью в дешевой рабочей силе, с одной стороны, и заинтере-

сованностью Китая в интенсификации технологического обмена с Японией (как указывалось выше, в последние годы большая часть китайцев прибывала в Японию по образовательным программам технической направленности), прежде всего для того, чтобы создать условия для перехода КНР на более высокий уровень добавленной стоимости в региональных производственных цепочках – с другой, новая региональная система разделения труда, видимо, стала основой для роста и развития «новой» китайской диаспоры в Японии. Иными словами, как первая, так и вторая волна китайской миграции в Японию связаны с формированием региональных систем разделения труда, в которых Япония играла одну из ведущих ролей, тогда как Китай находился в положении экспортера продукции с низкой добавленной стоимостью и дешевой рабочей силы, в том числе непосредственно в Японию.

Таким образом, можно предположить, что ситуация с китайской общиной в Японии подтверждает, что тезис о весьма высокой степени «неассимилируемости» китайской диаспоры не вполне точен. Скорее следует говорить о том, что китайская диаспора успешно сохраняет свою гомогенность и приверженность китайской культурной традиции до тех пор, пока она выполняет функции «принимающего анклава», главная задача которого – обеспечение бесперебойности временной миграции, т. е. создание социальных, культурных и бытовых условий для китайцев, которые прибывают в Японию на время для заработков.

Как только поток мигрантов в силу структурных причин (например, нарушение сложившейся модели регионального разделения труда) иссякает, китайская диаспора также начинает размываться. Как показывает пример Японии, когда вновь возникают условия для миграции, «принимающим анклавом» становится не старая диаспора, которая по причине относительно глубокой интегрированности в японское общество утратила возможности и желание выполнять эту функцию. Начинает формироваться новая диаспора, принимающая на себя эту роль. Как отмечалось, в Японии существует родственная культурная среда, которая благоприятствует такому размыванию, однако можно предположить, что в любой культурной среде китайская диаспора, по каким-либо причинам лишенная возможности функционировать как «переходный шлюз» между местной и китайской социокультурными средами (и извлекать из этого экономические дивиденды)

денды), будет подвержена эрозии, поскольку экономически, социально и культурно будет вынуждена все глубже интегрироваться в местное общество.

С этой точки зрения, нынешняя миграционная политика Японии, которая по-прежнему в значительной степени ориентирована на поддержание «чистоты» японского социума, лишь стимулирует консервацию китайских общин как «принимающих анклавов» для временной трудовой миграции (в том числе, в ее нелегальных формах). Отметим, что среди экономически развитых стран мира Япония входит в группу стран с относительно закрытой иммиграционной системой. Старение населения и его стремительное сокращение с 2004 г., нехватка трудовых ресурсов и возникновение социальных и экономических проблем ставят задачу пересмотра иммиграционной политики в направлении большей либерализации, однако иммиграционное законодательство Японии по-прежнему весьма консервативно.

Ярко выраженный ограничительный характер иммиграционного законодательства Японии во многом объясняется нежеланием японского правительства открывать свою страну для иностранцев. Против либерализации миграционной политики Японии выступают, в частности, многие представители Либерально-демократической партии Японии (ЛДПЯ). В качестве основного аргумента «против» они называют безопасность государства, спокойствие и благосостояние граждан. С целью изучения общественного мнения по поводу ослабления миграционной политики и создания условий для привлечения иностранцев в качестве рабочей силы 10 марта 2015 г. редакция сайта «Магумагу иэсу но: ёрон» (Общественное мнение: за и против) провела анкетирование, согласно результатам которого 83 % японцев высказались против либерализации миграционной политики и 17 % высказались за уменьшение иммиграционного контроля и создание благоприятных условий для привлечения иностранцев [21].

С этой точки зрения, даже если японское правительство в ближайшее десятилетие под давлением экономических факторов пойдет на постепенное снятие запретов на трудовую миграцию, в том числе из Китая, подобные послабления будут связаны с увеличением миграционных квот, а многочисленные социальные барьеры на пути ассимиляции китайцев, скорее всего, сохранятся. Однако исходя из вышеизложенного, видимо, именно такой подход наиболее опасен для Японии, поскольку постепенное снятие количественных запретов

на временную трудовую миграцию при сохранении практики социального отторжения мигрантов из Китая и ограничений на выдачу им гражданства приведет к культурной и социальной консервации китайской диаспоры как «принимающего анклава» при одновременном росте китайского экономического, а в перспективе, возможно, и политического влияния в японском обществе.

Библиографические ссылки

1. Степанова Г. О некоторых тенденциях в политике руководства КНР в отношении зарубежных соотечественников (хуацяо) в последние годы // Проблемы Дальнего Востока. – 2005. – № 4. – С. 43–51.
2. Афонасьева А. В. Роль зарубежных китайцев в развитии центральной ветки Экономического пояса Шелкового пути // Проблемы Дальнего Востока. – 2016. – № 5. – С. 50–62.
3. 海外华侨华人反对南海仲裁结果.呼吁携手捍卫中国领土主权 (Китайская диаспора выступает против решений арбитража по Южно-Китайскому морю. Сообща защитим суверенитет и территориальную целостность Китая) // 人民政协报 (Вестник НПКСК) [Электронный ресурс]. – 2016. – URL : <http://epaper.rmzxb.com.cn/detail.aspx?id=387027> (дата обращения : 14.12.2016).
4. Skeldon R. The Chinese Diaspora or the migration of Chinese peoples? // The Chinese Diaspora: Space, Place, Mobility and Identity / L. Ma, C. Cartier (eds). – Lanham : Rowman and Littlefield. – 2003. – P. 51–68.
5. Lyman S. M. Chinese Americans. – New York : Random House. – 1974. – 213 p.
6. Siu P. C. P. The Sojourner // American Journal of Sociology. – 1952. – № 1 (58). – P. 34–44.
7. Skinner G.W. Creolized Chinese societies in Southeast Asia // Sojourners and Settlers: Histories of Southeast Asia and the Chinese (ed. by A. Reid). – Sydney : Allen and Unwin. – 1996. – P. 50–93.
8. Yang P. Q. The «Sojourner Hypothesis» Revisited // Diaspora: A Journal of Transnational Studies. – 2000. – № 2. – P. 235–258.
9. 华侨华人提法的由来 (О происхождении терминов «хуацяо» и «хуажэнь») // 人民政协报 (Вестник НПКСК) [Электронный ресурс]. – 2015. – URL : <http://epaper.rmzxb.com.cn/detail.aspx?id=357194> (дата обращения : 14.12.2016).
10. Ковригин Н. Е. Китайская община в Японии: вчера и сегодня // Япония : ежегодник [Электронный ресурс]. – URL : <http://cyberleninka.ru/article/n/kitayskaya-obschina-v-yaponii-vchera-i-segodnya> (дата обращения : 14.12.2016).
11. 2015 Immigration Control // Ministry of Justice [Электронный ресурс]. – URL : http://www.moj.go.jp/nyuukokukanri/kouhou/nyuukokukanri06_00068.html (дата обращения : 15.12.2016).
12. То:до:фу:кэнбэцу нэнрэй • дандзёбэцу дзайрю:гайкоудзин (сонно 1 Тю:гоку) (Распределение иностранцев, постоянно проживающих в Японии, по префектурам по возрастному и половому признаку (Китай)) // Сэйфу то:кэй но мадогути (Интернет-портал официальной статистики Японии): [Электронный ресурс]. – 01.11.2016. – URL : <http://www.e-stat.go.jp/SG1/estat/List.do?lid=000001161643>. (дата обращения : 14.12.2016).

13. То:до:фу:кэнбэцу дзайрю:сикакубэцу дзайрю:гайкокудзин (соно 1 Тю:гоку) (Распределение иностранцев, постоянно проживающих в Японии, по префектурам и миграционным категориям (Китай)) // Сэйфу то:кэй но мадогути (Интернет-портал официальной статистики Японии): [Электронный ресурс]. – 01.11.2016. – URL : <http://www.e-stat.go.jp/SG1/estat/List.do?lid=000001161643>. (дата обращения : 14.12.2016).
14. *Мики Т.* Какусансуру синтяйна-таун но дзиттай (Рост новых китайских кварталов в Токио) // Nippon.com [Электронный ресурс]. – 2016. – URL : <http://www.nippon.com/ja/features/c02403/> (дата обращения : 15.12.2016).
15. *Ямасита К.* Токио но атарасии тьяйна-таун Икэбукуро (Новый токийский Чайнатаун в районе Икэбукуро) // Nippon.com [Электронный ресурс]. – 2016. – URL : <http://www.nippon.com/ja/features/c02402/> (дата обращения : 17.12.2016).
16. *Сугихара К.* Адзиа-кан бо:эки но кэйсэй то ко:дзо (Структура и развитие внутрирегиональной торговли в Азии) // Сякай. Кэйдзай. Сигаку (Социально-экономическая история). – 1985. – № 1 (51). – P. 63–85.
17. *Sugihara K.* Japan as an Engine of the Asian International Economy, с. 1880–1936 // Japan Forum. – 1990. – № 2. – P. 127–145.
18. *Dent C. M.* East Asian Regionalism. – New York : Taylor & Francis. – 2008. – P. 46–58.
19. *Ozawa T.* The flying geese paradigm: toward a co-evolutionary theory of MNC assisted growth // The New World Order. Internationalism, Regionalism and Multinational Corporations. – New York: Pergamon. – 2000. – P. 209–233.
20. *Hatch W., Yamamura K.* Asia in Japan's Embrace: Building a Regional Production Alliance. – Cambridge : Cambridge University Press. – 1996.
21. *Нихон ва имин но укэйрэ о сэккёкутэки ни оконубэки ка?* (Должна ли Япония активно принимать иммигрантов?) // Магумагу изэсу но: ёрон то йу сайто (Общественное мнение: за и против) [Электронный ресурс]. – 2016. – URL : http://yoron.mag2.com/politics_and_economy/topic/result/15890. (дата обращения : 14.12.2016).

Китайская диаспора в Японии и проблема ассимиляции (Виталий Боровой, Анастасия Панькова)

Статья посвящена проблеме китайской диаспоры в Японии, затрагивает такие аспекты, как географическое распределение, потенциал, роль китайской общины для экономического и социального развития Японии и Китая. Считается, что китайская диаспора за рубежом весьма устойчива к культурной и социальной ассимиляции, одновременно являясь проводником китайского влияния в различных регионах мира. Это делает проблему взаимодействия с китайской диаспорой актуальной и для Японии, которая является одним из основных региональных соперников КНР, и для других стран. Опираясь на примеры из истории китайской общины в Японии, в статье сформулирована гипотеза о том, что одна из наиболее важных причин успешной сопротивляемости ассимиляции со стороны китайской диаспоры связана с тем, что диаспора может выполнять функции «ком-

фортабельной принимающей среды» внутри местного общества для китайцев, находящихся в Японии временно (включая различные формы трудовой и нелегальной миграции).

Ключевые слова

Китай; Япония; мигранты; миграционная политика; хуацяо; китайская диаспора.

Chinese Diaspora in Japan and the Problem of Assimilation (Vitali Borovoi, Anastasya Pankova)

The article is devoted to the problem of Chinese diaspora in Japan, its location, potential and role for the development of economic and social life both in China and Japan. Chinese diaspora is traditionally believed to be highly resistant to all forms of assimilation while being a conductor of China's interests and increasing influence in other parts of the world, which makes the problem of interaction with local Chinese community particularly acute for Japan as a major regional rival of China. The article concludes that the ability of Chinese diaspora to resist assimilation is derived from its function as a welcoming hub within local society for the Chinese staying temporarily in Japan (including various forms of labor and illegal migration).

Key words

China; Japan; migrants; migration policy; huaqiao; Chinese diaspora.

Статья поступила в декабре 2016 г.

Рецензенты:

Решетников С. В. – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии Белорусского государственного университета;

Малевич Ю. И. – доктор политических наук, профессор кафедры международных отношений Белорусского государственного университета.